

Екатерина Мордвинцева

Добиться недотрогу

«Литнет»

2026

Мордвинцева Е.

Добиться недотрогу / Е. Мордвинцева — «Литнет», 2026

Анастасия привыкла сама решать свою судьбу. Карьера, независимость, подруга — вот её мир. Пока в нём не появился Он. Никита. Богатый, красивый, опасный. Он смотрит на неё так, будто она его собственность. Говорит загадками. И, кажется, всерьёз считает, что она ему предназначена.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Пролог

Никита

Позолоченные ворота элитного поселка «Серебряный Бор» с лёгким шипением растворились за спиной моего черного «Рейндж Ровера», будто отсекая меня от одного мира и выпуская в другой. От мира закона стаи, где каждый вздох, каждый взгляд имеет вес и последствия, — к миру людскому, где правила написаны на бумаге, а запахи приглушены смогом и ложью.

Голова раскалывалась не столько от усталости, сколько от гула. От гула десятков голосов, эмоций, мелких стычек и тихих требований, которые висели в воздухе нашей территории плотным, липким покрывалом. Быть бетой — это не титул, не почётная должность. Это постоянное состояние между молотом и наковальней. Молот — альфа, его воля, его не всегда предсказуемые решения. Наковальня — стая, её вечный, бурлящий подспудно хаос инстинктов, амбиций и страхов. Я — прослойка между ними. Смазка, амортизатор, иногда — щит. А иногда и клинок, который направляет альфа.

Сегодня пришлось быть и тем, и другим, и третьим. Конфликт на восточной границе участка с соседней, более мелкой и оттого наглой стаей. Не драка, нет, до этого не дошло — дошло до моих кулаков и холодной убедительности в голосе. Потом — разборки внутри своих: молодняк, вспыхивающий как порох из-за любого косого взгляда, а сегодня ещё и запах течной волчицы витал в воздухе, сводя с ума неокрепшие умы. Пришлось разводить по углам, остужать, рычать. Буквально.

И за всем этим — тонкий, как лезвие, контроль. Контроль над собой. Над зверем, который рвётся наружу каждый раз, когда чувствует вызов, угрозу своему, нашему дому. Держать его в узде, но при этом позволять ровно столько силы, чтобы все чувствовали. Чувствовали бету. Чувствовали железную руку, на которой, однако, нет окровавленной перчатки. Это балансирование на лезвии бритвы отнимает больше сил, чем любая физическая схватка.

Я вырулил на скоростную трассу, ведущую в центр, и нажал на газ. Двигатель ответил низким урчанием, приятной вибрацией. Машина была продолжением меня в этом мире людей — мощная, дорогая, безупречная внешне, но с грязью на колёсах от проселочных дорог наших владений. В салоне пахло кожей, кофе из термоса и... собой. Запахом напряжения, слегка приправленным холодной сталью. Я выключил музыку. Тишина, прерываемая лишь шумом мотора и шин, была благословением после какофонии чувств в посёлке.

Именно эту тишину и разорвала трель телефона, подключенного через блютуз. Имя на дисплее — «Кир. Альфа.» — заставило меня усмехнуться. Не зря говорят, что между альфой и бетой существует связь, выходящая за рамки простой дружбы или иерархии. Он будто чувствовал момент, когда я, наконец, остался наедине с собой и готов был выдохнуть.

— Здорово, — ответил я, и в собственном голосе услышал ту самую усталость, которую так тщательно скрывал весь день.

— Ну, что там опять стряслось? — голос Кирилла был ровным, но в нём чувствовалась стальная нить нетерпения. Он не любил, когда что-то ускользает от его контроля, даже если делегировал это мне. — Надеюсь, ты всё уладил?

«Уладил». Простое слово для целого спектакля дипломатии, угроз и демонстрации силы. Кир был стратегом. Он видел большую картину: бизнес-империи, союзы стай, движение денег. Он строил будущее. А мне доставалось настоящее со всеми его грязными, сиюминутными проблемами. Он — мозг и воля. Я — руки и иногда клыки, которые эту волю претворяют в жизнь.

— Да уладить-то уладил, — протянул я, следя за мчащимися навстречу огнями фонарей. — Но без твоего прямого вмешательства, Кир, боюсь, эта история с молодняком будет повто-

ряться как дурной сон. Они не боятся меня достаточно. Уважают — да. Но страх перед бетой и священный ужас перед альфой — разные вещи.

На том конце провода на мгновение воцарилась тишина. Я знал, о чём он думает. О балансе. О том, чтобы не выглядеть тираном, но и не дать стае расползтись по швам.

— Знаю я, — наконец, вздохнул Кир, и в его голосе впервые за день прозвучала человеческая усталость. — Нет ничего невыносимее течной самки, когда вокруг куча гормонов с лапшу вместо мозгов. Чувствую этот запах даже отсюда. Дёргается всё нутро. Ладно, — он махнул рукой, будто я мог это видеть. — С этим разберёмся завтра. Сегодня... сегодня сил даже на рык нет, честно говоря.

В его словах была не просто усталость. Была тяжесть короны. Ту же тяжесть, только в другом измерении, носил и я. Мне вдруг резко захотелось вытащить его из этого состояния, как он не раз вытаскивал меня из переделок в юности, когда мы были не альфой и бетой, а просто двумя пацанами, познающими свою дикуную природу.

— Ну, раз нет сил, — сказал я, намеренно делая голос легче, — то, может, стоит не пытаться их найти, а просто забыть? Хотя бы на несколько часов. Я как раз собирался наведаться в «Эдем», с проверочкой. Заодно и оттянемся по-человечески. Мне, признаться, уже который день пар спустить негде. Всё кипит.

«Эдем» был не просто моим детищем. Это был мой эксперимент, моя крепость и моя визитная карточка в мире людей. Я построил его с нуля не только для денег, хотя они текли рекой. Это был островок контролируемого хаоса, место, где наши — волки — могли позволить себе расслабиться среди людей, не опасаясь быть раскрытыми. Где громкая музыка заглушала слишком чуткий слух, а мигающий свет скрывал блеск в глазах. Где я был не бетой стаи «Теневого Клыка», а просто Никитой Астаховым, успешным владельцем модного клуба. Это была лучшая маскировка и лучшая терапия одновременно.

— Да, пожалуй, ты прав, — после небольшой паузы ответил Кир, и я услышал, как в его голосе проскальзывает что-то похожее на интерес. Отдых для него был такой же редкой роскошью, как и для меня. — Отдохнуть не помешает. Освежить голову. Только без дел стаи, ясное дело?

— Никаких дел, — заверил я. — Чисто человеческое свинство. Ну, почти человеческое.

— Тогда ладно. Звони ребятам, если хочешь. Я заеду через час, не раньше. Надо тут ещё пару бумаг подписать, чтобы завтра голова не болела.

— Договорились. До встречи в «Эдеме».

Связь прервалась. Тишина в салоне снова стала полной, но теперь она была другого качества. Не гнетущая, а предвкушающая. Одна мысль о клубе, о гулкой музыке, о знакомых, простых ритуалах отдыха заставляла мускулы на плечах понемногу разжиматься.

Я набрал быстрый номер. Первым был Алекс, наш гамма, отвечающий за безопасность и разведку. Надёжный, как скала, и такой же неразговорчивый, если дело не касалось работы.

— Алё, — его голос был глуховатым, будто он только что проснулся или, наоборот, не спал уже вторые сутки.

— «Эдем», через час. Кир будет. Расслабление режим.

— Понял, — было его единственным ответом перед отбоем.

Потом позвонил ещё паре ребят из стаи, кто был сегодня в городе и не обременён срочными делами. Их ответы были более оживлёнными. «Эдем» любили все.

Отложив телефон, я прибавил скорости. Город приближался, его светящееся сердце билось впереди, суля забвение. Я почти физически ощущал, как слой беты, тяжёлый и негнущийся, понемногу отстаёт от кожи, оставаясь в темноте загородной трассы. Впереди был всего лишь Никита. Успешный, немного циничный, умеющий получать от жизни удовольствие мужчина.

Если бы я знал, что именно сегодня эта тонкая, выстраданная грань между двумя моими «я» будет взорвана одним-единственным, дурацким, божественным запахом. Запахом, который не имел права существовать в моей упорядоченной, двойной жизни. Запахом фиалок, старой бумаги и... судьбы.

Но я этого не знал. И потому с лёгким, впервые за день, сердцем повернул руль в сторону огней «Эдема», думая лишь о холодном виски и дружеских шутках. Моя последняя спокойная ночь подходила к концу.

Глава 1

Настя

Внутренний телефон на моём столе разорвал тишину кабинета не мелодией, а оглушительной, казённой трелью, от которой вздрогнули даже чашки с давно остывшим чаем. От этого звука всегда сводило скулы. Он никогда не означал ничего хорошего.

Я вздохнула, не отрываясь от экрана, где в программе 3D-моделирования застыл очередной вариант фасада особняка, похожий на все предыдущие — безвкусный, тяжеловесный, кричащий о деньгах, которые не смогли купить владельцу ни грамма эстетического чувства. Рука сама потянулась к трубке.

— Северцева, — ответила я, стараясь, чтобы в голосе не прозвучало всё накопившееся за день раздражение.

— Насть, это Маша, — прошептал в трубке встревоженный голос моей единственной подруги по отделу, Маши Серебровой. Шёпот в офисе, где все стены — стекло, а двери никогда не закрываются, был универсальным признаком надвигающейся катастрофы. — Шеф просит срочно принести ему все бумаги по реконструкции дома Царева. Всё, что есть.

— Сейчас, — машинально ответила я, уже разворачивая кресло к высокому шкафу с папками. Моя рука безошибочно нашла нужную — толстую, раздутую от бесчисленных чертежей, договоров, спецификаций и гневных писем заказчика. Папка «Царев. Ад». Я окрестила её так мысленно ещё месяц назад.

— Только, ради всего святого, поторопись, — шипение в трубке стало ещё отчаяннее. — Петр Демидович сегодня... Он сегодня не в себе. Злой, как сто чертей, скрещённых с голодным медведем. Ему, кажется, только что из головного офиса разнос устроили по видеосвязи. Говорят, сам Царев звонил какому-то большому боссу. Так что теперь всем нам, особенно тебе, моя бедная, достанется по полной программе. Он уже рыскает по коридорам.

Сердце неприятно ёкнуло, предвкушая знакомую, выматывающую душу процедуру. «Достанется» — это было мягко сказано. Петр Демидович Коршунов, наш директор, в гнев был подобен извергающемуся вулкану, который изливал лаву не на бездушные склоны, а целенаправленно, с особым цинизмом, на головы подчинённых. А я, как главный архитектор этого проклятого проекта, была его излюбленной мишенью.

— Уже бегу, — сказала я, прижимая тяжёлую папку к груди, как щит.

Сбросив трубку, я на секунду замерла, закрыв глаза. «Не повезло» — это был колоссальный эвфемизм. Проект дома для олигарха Царева с самого начала был обречён. Клиент, который сам не знал, чего хочет, менял мнение по пять раз на дню, требовал невозможного в сжатые сроки и при этом свято верил, что платит за воздух, который мы, архитекторы, вдыхаем в его загородную резиденцию. Каждая наша идея казалась ему недостаточно «богатой», каждая наша попытка втиснуть его фантазии в законы физики и строительные нормы воспринималась как саботаж. Работа шла через одно известное место. А теперь, похоже, через это же место полетит и моя карьера, и без того не самая устойчивая.

Чувствовала, как всегда, кожей: сегодня мне достанется «по самые помидоры», как любила говорить моя бабушка. Достанется так, что потом весь вечер будет тошнить от беспомощной злости.

Я резко распахнула дверь своего скромного кабинета и вышла в светлый, холодный коридор тридцатого этажа. Стекло и сталь. Блестящий пол, в котором отражались безликие потолочные светильники. Воздух, пахнувший озоном от кондиционеров и едва уловимым страхом. Я зашагала быстро, каблуки отбивали чёткий, нервный ритм по паркету. Лифт до тридцать первого, где обитало начальство, показался камерой пыток медленного подъёма.

Приёмная Петра Демидовича встретила меня гробовой тишиной. Его личная ассистентка, Маша, сидела за своим идеальным столом, и её обычно жизнерадостное лицо было бледным и напряжённым. Увидев меня, она широко раскрыла глаза и беззвучно, одними губами, произнесла: «Быстрее!»

— Он уже спрашивал о тебе, — выдохнула она, когда я поравнялась с её столом, и кивнула в сторону массивной двери из красного дерева. — Готовься. Это будет жёстко.

Я подавила желание развернуться и уйти. Куда? Обратно в детдом? В пустую съёмную квартиру? Нет у меня такого люкса, как «уволиться по-английски». За моими плечами — только я сама, кредит за курсы повышения квалификации и пятнадцать лет дружбы с Ликой, которая сейчас переживает своё личное цунами. Я сделала глубокий вдох, подняла подбородок и постучала.

— Войдите! — прорычало из-за двери.

Это был не голос, а предупреждение. Я нажала на ручку и «прошмыгнула» внутрь — именно так, ловко и незаметно, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания в первые секунды.

Кабинет Петра Демидовича был огромен и вызывающе дорог. Панорамные окна от пола до потолка открывали вид на дымчатый город, ковёр такой толщины, что в него можно было провалиться, и массивный стол, за которым мой шеф казался не столь внушительным, как хотелось бы ему самому. Но сейчас он не сидел. Он стоял у окна, спиной ко мне, и его плотная, квадратная фигура была напряжена, как туго натянутая тетива.

— А, Северцева! Явилась, наконец-то? — он обернулся, и его лицо, обычно отёчное и самодовольное, сейчас было красно от прилива крови. Маленькие глаза буравили меня с порога, не скрывая раздражения и презрения. — Ну, садись, садись, не стесняйся. Присаживайся поудобнее и поведай мне, какого, прости господи, хрена, мне только что полчаса выносил мозг по телефону Аркадий Валерьевич Царев?!

Он не дождался, пока я сяду. Я замерла у стула, сжимая в конвульсивно-белых пальцах свою папку-щит.

— Он грозитя, — Коршунов повысил голос, подходя ко мне так близко, что я почувствовала запах его дорогого одеколона, смешанный с запахом адреналина и несварения, — расторгнуть контракт, пустить наше бюро по миру в судебных исках и лично позаботиться о том, чтобы я, Петр Коршунов, никогда больше в этой жизни не проектировал даже собачьей будки! И всё потому, по его словам, что мои сотрудники халтурят! Халтурят, Северцева! Ты слышишь это слово?!

У меня из ушей, кажется, и правда пошёл дым. Горячий, едкий, от бессильной ярости. Это Я халтуру? Я, которая последние три месяца жила этим проектом, которая засыпала и просыпалась с мыслями о криволинейных кровлях и мраморных полах для этого неадекватного сквалыги? Которая выслушивала его безумные идеи в десять вечера и рисовала эскизы в субботу? Это я халтуру?!

— Но, Петр Демидович, — мой голос прозвучал хрипло, я попыталась вставить хоть слово защиты, — вы же знаете, клиент постоянно меняет...

— НИЧЕГО! — он рявкнул так, что я инстинктивно отшатнулась. Его лицо приблизилось, и я увидела крошечные лопнувшие капилляры на его носу. — Я ничего не желаю слышать! Никаких оправданий! Его величество клиент всегда прав, даже когда он идиот, Северцева! Это аксиома нашего бизнеса, которую вы, молодые и талантливые, упорно не желаете усваивать! Ты поняла меня? Ясно тебе?!

Я молчала, стиснув зубы так, что челюсти свело. Глотала ком обиды, который подкатывал к горлу. Стояла и принимала удар, как подставленная мишень.

— У тебя, — он тыкал пальцем в воздух перед моим лицом, — времени до конца этой недели. Пятница. Вечер. Я хочу на своём столе видеть новый, окончательный, идеальный и,

главное, УТВЕРЖДЁННЫЙ клиентом проект. Всё. Если ты не справишься... — он сделал паузу для драматического эффекта, и в его глазах промелькнуло что-то похожее на удовольствие, — то я тебя не задерживаю. Найдём кого-нибудь более сговорчивого. А теперь, — он махнул рукой, отворачиваясь к своему креслу, будто я уже перестала существовать, — за работу! И чтобы я тебя здесь больше не видел без результата!

Всё. Представление окончено. Шеф спустил на мне пар, выпустил пар, как из перегретого котла. Теперь он, наверное, сядет в своё кожаное кресло, довольный собой, и будет смотреть на город, а я... а я выйду отсюда с чувством, будто меня пропустили через мясорубку, выплюнули и ещё и наступили на остатки сапогом.

Не сказав ни слова, я развернулась и вышла из кабинета. Дверь закрылась за мной с мягким, но окончательным щелчком.

В приёмной Маша кинула на меня взгляд, полный такого искреннего сочувствия, что мне снова захотелось зарычать или разрыдаться. Я выбрала первое, но про себя.

— Ну что? — тихо спросила она. — Сильно прочихвостил?

— Да как всегда, — я сделала глоток воздуха, пытаюсь вернуть себе самообладание. Голос дрогнул, и я возненавидела себя за эту слабость. — Опять увольнением грозился. Стандартный набор.

— Ха, — фыркнула Маша, пытаюсь меня подбодрить. — Да, конечно, он тебя уволит! Можно подумать, он это добровольно сделает. Кто ж вместо тебя этих... этих «особенных» клиентов, вроде твоего Царева, брать-то будет? Ты же единственная, кто дольше двух недель с ним не сбегает в истерику. Он это знает. Просто поорать надо было, вот он и отыгрался.

— Это точно, — согласилась я, и в её словах была горькая правда. Я была специалистом по «сложным» клиентам, потому что у меня не было выбора. Потому что за моей спиной не было папиной фирмы или богатого мужа. Только я, мои навыки и стальная, выстраданная выдержка. — Ладно, пойду работать. А то сроки, как назло, горят.

Я уже направлялась к выходу, когда Маша окликнула меня:

— Насть, а ты на обед пойдешь? Я собираюсь в то итальянское на углу, там новые салаты...

— Нет, — я покачала головой, даже не оборачиваясь. — Обедай без меня. Мне сегодня ещё к этому самому заказчику, к Цареву, доехать надо, попытаться вразумить. Поэтому на обед времени не будет.

Её сочувствующее «удачи» я поймала уже в коридоре.

Оставшийся день пролетел в каком-то лихорадочном, но бесплодном вихре. Я звонила Цареву, уговаривала, слушала новые бредовые идеи, пыталась втиснуть их в хоть какую-то логическую схему. Глаза слипались от усталости, на экране монитора начинало рябить, а в животе завязался тугой, болезненный узел от голода. За весь день я не съела ничего, кроме куска чёрствого тоста утром, и даже не выпила чашку кофе. Кофе требовал хоть пятиминутной паузы, а у меня не было и этих пяти минут.

Когда настенные часы в нашем open-space наконец показали начало седьмого, я откинулась на спинку стула, ощущая себя выжатым лимоном. Рабочий день формально окончен. Пора ехать домой.

Вот только... не хотелось. Совершенно не хотелось.

Мысль о том, что меня ждёт, повисла в сознании тяжёлым, неприятным грузом. Пустая, тихая квартира. Холодильник, в котором, скорее всего, лишь баночка оливок и кусок сыра. Полумрак, нарушаемый только светом уличного фонаря за окном. И тишина. Такая громкая,

всепроникающая тишина, в которой слишком отчётливо слышны собственные мысли, сомнения и этот гулкий стук одиночества.

Да и смысл куда-то торопиться? К кому? Меня дома никто не ждёт. Даже кота нет, чтобы, мурлыкая, тереться о ноги и напоминать, что ты кому-то нужен. Не то что мужчины... Мысль застряла, горькая и пошлая. Я и правда уже забыла, когда в последний раз у меня был секс. Не просто мимолётная связь, а хотя бы та, что снимает напряжение и даёт почувствовать себя хоть на мгновение желанной. Всё засосала эта проклятая работа, долги, чувство долга перед самой собой, что надо выбиться, утвердиться. А в итоге — тридцать первый этаж, кричащий шеф и пустой дом. Надо исправляться. Обязательно. Как-нибудь. Не сегодня.

Меня отвлек от мрачных раздумий звук входящего сообщения. Я потянулась к телефону, и мельком взгляд упал на экран. Лика.

Текст был коротким, но по нему было такой волной отчаяния, что у меня похолодело внутри. «Он меня бросил. С той, с которой я его застала. Всё кончено».

«Бедняжка, — пронеслось в голове. — А ведь я её предупреждала. Говорила же, что Макс — ненадёжный, что он смотрит по сторонам». Но мы все такие, правда? Все надеемся на лучшее. Все верим, что именно для нас человек изменится, что наша история — особенная. А потом сами страдаем от своей же доверчивости, от этой дурацкой, прекрасной надежды.

Я уже набирала ответ, чтобы сказать, что сейчас выезжаю, как телефон зазвонил. Таксист сообщил, что подъехал. Не успев даже толком добраться до своей квартиры, я дала адрес Лики. Ехать к себе одной в таком состоянии не было сил.

Она приехала ко мне, вернее, к подъезду моей пятиэтажки, уже через двадцать минут, заплаканная, с опухшим лицом, но с каким-то странным, опустошённым спокойствием в глазах. Я втащила её наверх, в свою небольшую, но уютную кухню, и первым делом открыла бутылку красного вина — недорогого, но крепкого. Разговоры в таких случаях требуют правильной «смазки».

— А я тебе говорила! — заявила я, наполняя бокалы до краёв, как только мы устроились за столом. — Говорила и не раз, что мудака твой Макс! Самовлюблённый, ветреный эгоист! Но ты же у нас девочка взрослая, других слушать не приученная!

Лика молча смотрела на вино в бокале, потом сделала большой глоток.

— Значит так, — заключила я, ставя бутылку на стол с решительным стуком. — Прекращаем страдать. С сегодняшнего дня начинается новая жизнь, Лик. И в этой новой жизни никаким козлам, вроде твоего бывшего, места больше нет. Ты меня слышишь? Ни-ка-ким!

— Да я и не страдаю, — тихо, но чётко сказала она, и в её голосе действительно не было истерики. Была усталость. — Знаешь, даже кажется, что камень с плеч свалился. Вот честно. Я всегда думала, что люблю его, что хочу с ним семью, детей, всю эту историю... А сегодня увидела их вместе, и... ничего. Никакого удара в сердце. Просто пустота. Нет, мне, конечно, обидно. Унизительно. Как он мог так поступить? Но... чувства потери, будто родного человека не стало, — нет. Вообще нет. Может, я ещё не до конца это осознала?

Я пристально посмотрела на неё, на её милое, знакомое до каждой родинки лицо, и покачала головой.

— Нет, милая. Не «не осознала». Просто человек он не твой. И ты подсознательно это всегда ощущала, просто себе самой до последнего признаваться в этом не хотела. Сердце давно знало, что он чужой. Вот голова сейчас и догнала.

— Может, ты и права... — она вздохнула и допила свой бокал.

Тишина повисла ненадолго, комфортная, дружеская. А потом Лика подняла на меня глаза, и в них появилось что-то нерешительное, почти виноватое.

— Настюш... Помнишь, я рассказывала, что Решетников, наш начальник из головного офиса, предлагал мне перевод в Питер? На повышение.

Ледяная струйка пробежала по моей спине.

— Но... ведь ты отказалась! — выпалила я, уже чувствуя, куда ветер дует. Не хотела верить своим догадкам. — Не-е-ет! — протянула я, поднимая палец. — Только не говори, что из-за этого бывшего козлина ты теперь, на зло ему, решила согласиться и махнуть за тысячу километров? Только попробуй такое сказать! — я пригрозила ей пальцем, на котором красовался недавно сделанный маникюр. — Я ведь без тебя здесь с ума сойду! Понимаешь? Сой-ду!

Мы были друг для друга не просто подругами. Мы были семьёй. Единственной и неповторимой. Без Лики этот город, и без того холодный, превратился бы для меня в ледяную пустыню.

Лица потупила взгляд, играя ножкой бокала.

— Ну, вообще-то... я уже согласилась. Пока к тебе на такси добиралась. Отправила письмо.

— ЧТОООО?! — я подскочила со стула так резко, что он заскрипел. Кровь ударила в виски. — И ты только СЕЙЧАС мне это говоришь?! Ну, ты и засранка! — вырвалось у меня, но в этом слове не было злобы, была лишь паника и боль. — С этого и надо было начинать, а не с истории про Макса!

Я забегала по кухне, как раненый зверь в клетке. Пятнадцать лет. Пятнадцать лет мы были неразлучны. Познакомились в детдоме, куда я попала после того, как моих родителей не стало в той дурацкой, нелепой аварии. Из родственников осталась только бабушка, которая, убитая горем, слегла и через год тихо угасла. И я осталась одна. Совсем одна. Пока в моей жизни не появилась Лика — такая же восьмилетняя девчонка с огромными глазами и своей историей потерь. Мы стали друг для друга всем. Сёстрами. Матерями. Защитницами. Мы выживали вместе.

Выйдя из стен детдома, мы обе получили от государства те самые заветные, убогие, но свои квартиры. Денег не хватало катастрофически, но мы нашли выход. Поступили на экономический — не из любви к цифрам, а потому что там была хорошая стипендия. Свои квартиры сдали, а сами ютились в общежитии, деля одну комнату на двоих. Потом, когда стало полегче, я загорелась своей настоящей мечтой — архитектурой. Поступила заочно и вот теперь, через тернии, пыталась пробиться. Всё это время Лика была рядом. Она всегда верила в меня больше, чем я сама. И я — в неё.

И вот теперь она собиралась всё это бросить и уехать.

— Так, хватит киснуть! — заявила я, резко остановившись перед ней. Внутри всё клотало от противоречивых чувств: эгоистичной паники и понимания, что для неё это шанс. Но эгоизм пока побеждал. — И хватит сидеть, как ива плачущая! Сейчас мы с тобой собираемся, причёсываемся, красимся и отправляемся в клуб. Ты меня вообще слушаешь? Ну и что ты уставилась? Поднимай свою очаровательную, но убитую горем попку и бегом в душ! У нас два часа, не больше!

Лица посмотрела на меня, как на ненормальную.

— Куда? — искренне, почти по-детски удивилась она. Всю мою пламенную речь она, похоже, пропустила мимо ушей.

— Что значит «куда»?! — всплеснула я руками. — Я тебе битый час только о том и твержу! Мы идём в новый клуб, который открылся в центре. «Эдем» называется. Говорят, нереально круто. Так что у нас есть ровно два часа, чтобы привести себя в божеский вид и начать новую жизнь с правильной ноты!

Она покачала головой, и в её глазах появилось упрямство, которое я знала так же хорошо, как и своё собственное.

— Я никуда не пойду. Ты же прекрасно знаешь, что не люблю я всего этого — толкотни, грохота, пьяных рож. Тем более мне ещё вещи собрать надо. Упаковаться. У меня через три дня уже поезд на Питер. Так что нет, Насть. Нет и точка.

Я упёрла руки в боки и посмотрела на неё так, как когда-то смотрела в школьной столовой, когда она отказывалась дать списать контрольную.

— Я, — сказала я медленно и чётко, — даже слышать ничего не хочу. Ты едешь через три дня. Значит, сегодня и завтра — мои. А сейчас мы идём веселиться. Или тебе придётся иметь дело не только с разбитым сердцем, но и со мной в режиме «сибирской шаманки». Выбирай.

В её глазах мелькнула искорка. Слабенькая, едва живая, но это было уже что-то. Не улыбка, но почти. Она тяжело вздохнула.

— Ладно. Только ради тебя. И только на пару часов.

«Пара часов», — подумала я, уже таща её в ванную. Этого было более чем достаточно, чтобы всё изменить. Или чтобы наткнуться на то, что изменит всё без нашего ведома. Но об этом я, конечно, не догадывалась.

Глава 2

Никита

В «Эдем» в тот вечер мне пришлось приехать задолго до полуночи, нарушив собственное негласное правило никогда не появляться в собственном клубе до того, как он наполнится правильной, бродильной энергией толпы. Планы на спокойный вечер с друзьями и парой стаканов хорошего виски рассыпались в прах из-за экстренного звонка от управляющего, Егора.

— Никита Александрович, тут ЧП, — голос Егора в трубке звучал сдержанно, но я тут же уловил нотку оперативного стресса. — Лера, одна из ведущих танцовщиц, сорвалась со сцены во время репетиции. Скорая только что увезла. Перелом лодыжки, минимум. Шоу на сегодня под большим вопросом.

Я выругался про себя, но голос сохранил ледяное спокойствие. Паника — не мой конёк. Проблема — да. А там, где есть проблема, тут же должен появиться и алгоритм её решения.

— Замена есть?

— Есть две девушки из второго состава, но они не готовы к сольным номерам, только к групповым. И хореография основного шоу заточена под Леру.

— Собери всю творческую группу. Хореографа, постановщика света, звука. И найдите мне Лену из «Жар-птицы», — я имел в виду танцовщицу из конкурирующего клуба, с которой у нас были прохладные, но деловые отношения. — Предложите ей полуторный гонорар за выход сегодня. Я буду через двадцать минут.

Вот так и получилось, что вместо того чтобы неспешно готовиться к вечеру, я уже в десять был в своём кабинете на втором этаже «Эдема», погружённый в экстренное совещание. Воздух был густ от напряжения и кофе. Я слушал, задавал вопросы, принимал решения, отклонял нереалистичные предложения. Моё сознание работало на двух уровнях: на одном — владелец бизнеса, решающий логистическую задачу; на другом — бета, тонко чувствующий настроение в комнате, гасящий вспышки раздражения между хореографом и постановщиком, мягко, но неуклонно направляющий энергию команды в конструктивное русло. Это был привычный танец.

К одиннадцати, когда основное решение было найдено (Лена согласилась, но за двойной гонорар, пришлось согласиться), шоу удалось «пересобрать» на скорую руку. Я вышел из кабинета, ощущая не усталость, а скорее, привычную, бодрящую опустошённость после эффективно потушенного пожара. И тут меня накрыла волна звука.

Главный зал «Эдема» уже был полон. Не просто полон — он гудел, как единый, многоголовый организм. Музыка, мощная, с битом, от которого вибрировал пол, смешивалась с гомоном сотен голосов, смехом, звоном бокалов. Воздух был тёплым, плотным, пропитанным ароматами дорогого парфюма, кожи, пота, алкоголя и сладких коктейлей. Огни лазеров и софитов резали темноту, выхватывая из толпы то мелькающее лицо, то взметнувшиеся в такт руки, то блеск страза на платье. Это было именно то, ради чего я создавал «Эдем» — котёл контролируемого, безопасного для наших дикого хаоса, место, где можно было раствориться, забыться, отдаться моменту.

Мои друзья, как и договаривались, уже были здесь. Я увидел их в нашей постоянной вип-зоне — не кричаще отгороженной, но расположенной на небольшом подиуме у самой дальней стены, откуда открывался идеальный обзор на танцпол и сцену, но куда не долетали брызги чужого веселья. Кирилл, развалившись в угловом диване, с полуулыбкой наблюдал за происходящим, его альфовская аура даже в расслабленном состоянии создавала незримый периметр. Рядом Ваня, наш технарь и гений безопасности, что-то оживлённо доказывал Алексу, который

слушал, лениво попивая коньяк. Вика и ещё пара девчонок из стаи смеялись, переглядываясь с кем-то в толпе.

Я поднялся к ним, и на мгновение почувствовал, как с плеч спадает груз сегодняшних забот. Здесь, среди своих, я мог быть просто Никитой. Не бетой, не владельцем. Просто собой.

— Ну, потушил свой пожар? — встретил меня Кир, подвинувшись и кивнув на свободное место рядом.

— Потушил, — я опустил в мягкую кожу, и тело с благодарностью отозвалось на возможность расслабиться. — Ценой бюджета на следующий месяц, но потушил.

— Главное — шоу должно продолжаться, — философски заметил Алекс, поднимая свой бокал в мою сторону.

— Именно, — я взял предложенный Киrom стакан с коньяком. Напиток был тёплым, с глубоким, дубовым ароматом. Первый глоток обжёг горло приятным теплом, которое медленно разлилось по телу, смывая остатки напряжения.

Мы заговорили о пустяках, о том, о сём. О планах на новый спортзал в посёлке, о глупом инциденте с одним из молодых волков, который на днях чуть не подрался в городе из-за девушки. Смеялись, шутили. Я позволил себе погрузиться в эту лёгкую, необременительную атмосферу. На какое-то время показалось, что вечер наконец-то пошёл по запланированному сценарию.

Именно в этот момент, когда я почти полностью отключился от рабочих режимов, ко мне подошла Алина, старший администратор. Она была профессиональна до мозга костей, её лицо всегда было бесстрастной маской. Но сейчас, наклонившись ко мне так, что её губы почти коснулись моего уха, она прошептала с едва уловимой, но мной сразу пойманной ноткой тревоги:

— Никита Александрович, у нас небольшие проблемы.

Всё внутри мгновенно насторожилось. «Проблемы» в устах Алины никогда не были «небольшими».

— Что случилось? — спросил я тихо, не меняя выражения лица, чтобы не привлекать внимания друзей.

— Вас ждут у служебного входа. Тот самый господин... Завьялов. Внутри заходить категорически отказался. Говорит, будет ждать на улице.

Степан Сергеевич Завьялов. Налоговый инспектор, курирующий наш район. Мы с ним были, что называется, «на короткой ноге», но эта короткость была выслана взаимной выгодой и предельной осторожностью. Его визит без предупреждения, да ещё и с таким поведением, не сулил ничего хорошего.

— Понял. Сейчас спущусь, — я отпил остатки коньяка, поставил стакан и с лёгкой, ничуть не выдавшей внутреннего напряжения улыбкой извинился перед друзьями: «Пару минут, технический вопрос».

Спускаясь по лестнице в полутьму служебных помещений, я перебирал в уме возможные причины. Проверки были пройдены безупречно, «благодарности» отправлены вовремя и в нужном объёме. Что-то новое? Или старые грехи всплыли? Волк внутри насторожился, замер в ожидании угрозы.

Холодный ночной воздух ударил в лицо, как только я открыл тяжёлую дверь служебного выхода, спрятанную в глубине переулка за клубом. Здесь не было гламурного блеска, только асфальт, мусорные баки и жёлтый свет одинокого фонаря. Под ним, буквально переминаясь с ноги на ногу, словно стоял на раскалённой сковородке, топтался полноватый мужчина в немарком плаще. Степан Сергеевич. Его светлые волосы, редкие на макушке, были взъерошены ветром, а лицо в уличном свете казалось серым, измождённым.

— Что-то вы зачастили к нам в гости, Степан Сергеевич? — произнёс я, выходя из тени и приближаясь к нему. Голос мой звучал ровно, даже с лёгкой, деловой приветливостью. —

И в такой неурочный час. Вроде бы, все наши общие дела в этом месяце были благополучно закрыты?

Завьялов вздрогнул, услышав мой голос, и обернулся. Его глаза метались, не находя точки для фокуса. Он не протянул руку для приветствия.

— Никита Александрович... — он сглотнул, и его голос сорвался на сипение. — Я... я понимаю, что это непрофессионально. Не по адресу. Но...

Он замолчал, сжав пальцы в комок. Я ждал, сохраняя нейтральную, чуть вопросительную улыбку. Мои чувства были обострены: я улавливал не только запах его дешёвого одеколона и пота, но и запах страха. Чистого, животного страха. И не за себя. Это был другой страх, более глубокий.

— Я хотел попросить вашей помощи, — выдохнул он наконец, и в этих словах прозвучало такое отчаянное унижение, что я внутренне нахмурился.

— Помощи? — я приподнял бровь, делая вид искреннего удивления. Инспектор, просящий помощи у того, кого инспектирует — это был сюжет из плохого детектива. — Но чем я могу быть полезен, Степан Сергеевич? Если речь о бумагах или каких-то формальностях...

— Нет! — он резко качнул головой, и в его глазах блеснули слёзы, которые он тут же яростно смахнул тыльной стороной ладони. — Не по работе. Личное. Моя дочь... — голос его снова дрогнул. — У неё обнаружили... серьёзное заболевание. Нужна срочная операция. За границей. Сумма... для меня она неподъёмная. Я в банках, везде... мне отказали. Обратиться больше не к кому.

Он говорил сбивчиво, глотая слова. И я слушал, и моё первоначальное раздражение от срыва вечера начало медленно таять, сменяясь холодным, аналитическим интересом. И сочувствием. Чисто человеческим, не связанным с волком. Потому что в его словах не было лжи. Запах страха, отчаяния, беспомощности — он был настоящим.

— Я понимаю, — сказал я тихо, когда он замолчал, задыхаясь. — Это тяжёлая ситуация. Но, Степан Сергеевич, вы пришли просить у меня, по сути, крупную сумму денег. Я не благотворительный фонд. Я — бизнесмен. И в любом деле, даже в таком, должен быть понятен баланс. В чём моя выгода?

Мы простояли в том переулке ещё минут двадцать. Я задавал вопросы, уточнял детали: точный диагноз, клинику, сумму, сроки. Он отвечал, рылся в потрёпанном планшете, показывал документы, переведённые на английский. Всё выглядело чудовищно правдоподобно.

В конечном итоге мы нашли ту самую точку взаимной выгоды. Не прямо сейчас, не наличными в конверте. Речь шла о будущих проектах, о консультациях, об определённой... гибкости с его стороны в некоторых вопросах, которые могут возникнуть. Это была сделка. Грязная, пахнущая больницей и отчаянием, но сделка. Мы договорились связаться на следующей неделе для проработки деталей.

Когда я вернулся внутрь, пройдя через кухню и выйдя в шумный зал, настроение у меня было изрядно подпорченным. Сделка была выгодной, потенциально очень выгодной. Но осадок оставался. Не брезгливость — в моём мире давно стёрлись такие понятия. Скорее, тяжёлое понимание цены, которую платят все в этой игре. И Завьялов, и я. Волк внутри рычал от неопределённости, чуя в этой ситуации не прямую угрозу, а скрытую, вязкую опасность долговых обязательств иного рода.

Подниматься сразу к друзьям я не смог. Им не нужен был Никита с таким лицом. Я свернул к бару, нашёл свободный стул в его дальнем конце и жестом привлёк внимание бармена.

— Виски. «Гленфиддих», двадцать один год. Без льда.

Бармен, парень из стаи, молча кивнул. Через минуту передо мной стоял тяжеленный графинёрный стакан, на дне которого золотистой лужой переливался напиток. Я взял его, почувствовав прохладу стекла, и сделал первый глоток. Огненная дорожка прожгла пищевод, разлилась

в желудке тёплым, успокаивающим пятном. Я поставил стакан, и он с лёгким стуком скользнул по полированной поверхности стойки, оставив влажный след.

Я смотрел в зеркало за барной стойкой. На меня смотрел мужчина с непривычно бледным, отрешённым лицом. Глаза были чуть прищурены, в уголках губ застыла жёсткая складка. «Никита Астахов, успешный предприниматель», — говорило отражение. «Бета стаи «Теневого Клыка», чьи инстинкты чувствуют подвох в самой выгодной сделке», — шептало что-то внутри.

Мысли крутились, как белки в колесе. А что, если это ловушка? Провокация? Слишком уж вовремя несчастье, слишком уж отчаянная просьба. Но запах... запах не лгал. Значит, болезнь реальна. Значит, отчаяние настоящее. Но от этого не становилось легче. Сделка с государственным человеком на таких условиях — это мина замедленного действия. Малейшая ошибка, малейшая утечка...

— Всё-таки, кому я так понадобился? — пробормотал я себе под нос, отпивая ещё виски.

Музыка вокруг нарастала, переходя в какой-то техно-транс. Толпа на танцполе вздымалась единым пульсирующим морем. Кто-то кричал от восторга, поднимая руки. Казалось, весь этот гул, этот свет, этот запах алкоголя и свободы должны были смыть горечь с моих губ. Но не смывали. Я видел вечеринку, но был от неё отделён невидимой стеной. Вечер, который начинался как долгожданная отдушина, был окончательно испорчен.

Я допил виски до дна, ощутив, как алкогольный туман наконец начинает приглушать острые углы мыслей. Поставил пустой стакан, оставив под ним щедрые чаевые, и направился обратно к VIP-зоне.

Дверь в ложе была тяжёлой, она приглушала шум. Когда я вошёл, меня встретили знакомые лица. Разговоры, смех. Ваня, заметив моё замедленное движение и, вероятно, что-то поймав в моём взгляде, тут же спросил:

— Ну как, всё в порядке? Ты выглядишь, будто тебя не по голове, а по совести ударили чем-то тяжёлым.

Я махнул рукой, пытаюсь вернуть на лицо привычную лёгкую улыбку.

— Да так, мелочи, — отмахнулся я, опускаясь на своё место. — Бизнес, знаешь ли, редко бывает чистым развлечением. Ничего критичного. Может, продолжим? О чём говорили?

Кирилл бросил на меня долгий, изучающий взгляд. Он, конечно, почувал, что «мелочи» — это мягко сказано. Но не стал давить. Друзья подхватили нить разговора, снова заговорили о чём-то, Вика заливисто засмеялась. Я присоединился, подливал себе коньяк, кивал, даже улыбался в нужных местах. И был рад, что на какое-то время мне удалось отгородиться от давящих мыслей.

Но они не ушли. Они тихо копошились на задворках сознания, как назойливые насекомые. Мысли о Завьялове, о его дочери, о хрупкости человеческой жизни и о том, как легко эта хрупкость превращается в разменную монету в играх взрослых. И о том, что в любой, даже самой чистой с виду сделке, может таиться подвох, который аукнется позже, когда ты меньше всего этого ожидаешь.

Я не знал тогда, что эта деловая беседа в переулке станет одним из последних спокойных эпизодов вечера. Что совсем скоро все эти мысли о налогах, болезнях и выгоде будут сметены одним-единственным, всепоглощающим чувством, против которого никакой бизнес-расчёт не устоит.

Глава 3

Никита

Прошло некоторое время — может, полчаса, может, больше. Время в вип-зоне текло по-иному, замедляясь коньяком и приглушённой музыкой. Я вроде бы включился в общий поток шуток и споров, даже сам пару раз ввернул колкость, которая заставила рассмеяться Ваню. Но это было механически. Внутри по-прежнему стоял тяжёлый, неподвижный осадок после разговора с Завьяловым, как ил, осевший на дне после шторма. Я наблюдал за весельем со стороны, будто через толстое стекло.

Именно это, видимо, и заметила Марина. Она подошла ко мне неслышно, обойдя диван сбоку, и опустилась на свободное место рядом, так близко, что её бедро почти коснулось моего. Запах её парфюма — тяжёлый, сладковато-пряный, с явными нотами пачули и чего-то животного, что она, вероятно, считала соблазнительным, — накрыл меня волной. Мой волк внутри насторожился, не рыча, но отчётливо поморщившись. Этот запах всегда казался ему неестественным, нарочитым, как маска.

— Ник... Ты в порядке? — её голос прозвучал тихо, с подкупающей, натренированной заботой. Она наклонилась так, что её губы оказались в сантиметрах от моего уха, и её дыхание, тёплое и влажное, коснулось кожи. — У тебя какой-то... странный вид. Весь вечер ты будто не здесь. Что-то случилось?

Я медленно повернул к ней голову. Её лицо было искусно освещено приглушённым светом ложи: большие, подведённые чёрным глаза смотрели с показным участием, алые, надутые от инъекций губы были слегка приоткрыты. Она умела выглядеть искренней. Даже волчиха внутри неё умела подстраиваться, играть на человеческом поле. Но я знал её слишком долго и слишком хорошо. Марина из стаи, мы вместе росли. Она всегда видела во мне не просто друга или сородича, а приз. Бету. Потенциального сильного партнёра. И её интерес ко мне всегда был чётко просчитан, как дипломатический манёвр.

На мгновение у меня возникло дикое, почти ребяческое желание. Выложить всё. Рассказать про Завьялова, стоящего в переулке, про его серое от страха лицо, про дочь, про эту тошнотворную смесь жалости и расчёта, которая теперь клокотала у меня внутри. Про то, что даже здесь, в своём клубе, среди своих, я чувствую себя немного грязно.

Но я сдержался. Показать Марине слабость — всё равно что бросить окровавленный кусок мяса в вольер к хищнице. Она не успокоит, не поймёт. Она воспользуется. Она увидит в этом возможность втереться, «поддержать», закрепиться.

— Всё нормально, — сказал я, и мой голос прозвучал ровнее, чем я ожидал. Я даже сделал слабую попытку улыбнуться. — Просто жизнь на работе подкинула сегодня не самых приятных сюрпризов. Дела, знаешь ли. Ничего смертельного.

— А, дела... — она протянула это слово, и в её глазах мелькнуло разочарование, быстро прикрытое новой волной слащавой заботы. Её рука легла мне на плечо, пальцы начали совершать мелкие, круговые поглаживающие движения через ткань рубашки. — Если что-то нужно, Никит, ты же знаешь... Я всегда могу помочь. Всегда. Для тебя — на всё готова.

Её улыбка в этот момент действительно была наполнена теплом. Искусственным, как свет от диммера, но способным на секунду обмануть. И в эту секунду до меня дошло что-то простое и грустное. Может быть, не всё в этой жизни решается деньгами, связями или силой. Иногда человеку, даже такому как я, который привык быть щитом и решением для всех, нужно всего лишь понять, что он не одинок в своей усталости. Что кто-то видит не бету, не владельца клуба, а просто Никиту, у которого тоже может болеть голова от проблем. Пусть даже этот «кто-то» — Марина с её далеко идущими планами.

Но это мимолётное, почти философское озарение было немедленно сметено физической реальностью. Её прикосновение. Ладонь на моём плече. Поглаживания. Сначала они казались просто жестом утешения, но почти сразу в них проявился иной, хорошо знакомый оттенок. Собственнический. Ищущий. Претендующий.

От этого прикосновения стало резко, до дрожи неприятно. Не как от угрозы, а как от чего-то липкого, назойливого, нарушающего личные границы. Волк внутри заурчал предостерегающе, не потому что она была опасна, а потому что она вторгалась. Моя собственная человеческая часть среагировала не менее бурно — по спине пробежали мурашки отвращения. Я не раздумывая, резким движением плеча сбросил её руку.

— Никит! — в её голосе прозвучала неподдельная обида, смешанная с кокетливым упрёком. Она призывно облизнула свои искусственно увеличенные губы, сделав это так театрально, что у меня внутри всё перекошилось. — Ну зачем ты так? Ты же прекрасно знаешь, что я ради тебя... на всё готова. Абсолютно на всё.

В её словах был прямой, неприкрытый намёк. Он висел в воздухе между нами, густой и нездоровый, как её парфюм. Всё её «сочувствие» испарилось, обнажив привычную, наждачную настойчивость.

— А мне всё не надо! — отрезал я, и мой голос прозвучал грубее, чем я планировал. В нём прорвалось всё накопленное за день раздражение: и на Царева, и на Коршунова (о чём я лишь смутно догадывался через связь с Настей, но чувствовал как общий фон раздрая), и на эту грязную сделку в переулке, и теперь — на это притворное, удушающее внимание.

Она не отступила. Её глаза блеснули азартом, будто моя грубость была лишь очередным уровнем в игре, который нужно пройти.

— Так ты скажи, что надо, — прошептала она ещё слаще, и её рука снова потянулась ко мне, на этот раз минуя плечо и опускаясь ладонью на грудь. Её пальцы скользнули вниз, к пряжке ремня. — Я сделаю. Всё, что захочешь...

Это было уже слишком. Грубо, нагло, без намёка на уважение. Взрослая волчица, ведущая себя как течная юниорка, не способная уловить ни одной запрещающей ноты. Во мне что-то сорвалось.

— ХВАТИТ! — мой рык не был громким, но он прозвучал низко, с тем самым обертоном беты, который заставляет молодняк прижимать уши и отползать в угол. Я не просто оттолкнул её руку, я грубо, почти швырком отпихнул её саму от себя, так что она отлетела на полдивана, на мгновение потеряв равновесие и изобразив на лице шокированное непонимание.

В ложе наступила секундная тишина. Разговоры оборвались. Ваня, Алекс, Кирилл — все покосились на нас. Никто ничего не сказал. В воздухе повисло понимание: это не ссора, это установление порядка. Альфа Кирилл лишь приподнял бровь, его взгляд скользнул с меня на Марину и обратно, оценивающе. Он не вмешивался.

Только Вика, сидевшая чуть поодаль, нарушила молчание. Её голос, обычно мелодичный и легкомысленный, прозвучал резко и деловито:

— Мариш, а сходишь со мной? В дамскую. Мне помочь кое с чем нужно.

Это был очевидный, благородный способ вытащить её из ситуации, дать всем остыть.

Марина, оправившись, бросила на меня взгляд, полный ярости и оскорблённой гордости.

— Иди одна, — цыкнула она, не глядя на Вику. — Я тут останусь.

— Марин! — Вика произнесла её имя уже не как просьбу, а как приказ. Тихий, но не допускающий возражений. Она кивнула в сторону двери. Её взгляд говорил: «Не позорь себя и стаю дальше».

Марина замерла. Её челюсти сжались. Она посмотрела на меня — я уже отвернулся, наливая в стакан свежего коньяка, всем видом показывая, что инцидент исчерпан. Потом на Кирилла, который смотрел куда-то в сторону танцпола, демонстративно не вмешиваясь, но его молчание было красноречивее крика. С громким, обиженным прицокиванием языка она

резко поднялась, поправила своё обтягивающее платье и, высоко задрав подбородок, пошла за Викой, хлопнув дверью ложи чуть сильнее, чем необходимо.

Тягостная пауза повисла ненадолго. Первым нарушил её Иван. Он откашлялся и нахмурился, глядя на меня не с упрёком, а скорее с лёгким недоумением.

— Не слишком ли грубо, Ник? — спросил он. — Всё-таки девушка... и из стаи. Могла и просто посочувствовать искренне.

Я отпил из стакана, чувствуя, как алкоголь жжёт, но не приносит облегчения.

— Пусть знает своё место, — буркнул я, отмахиваясь. — Сочувствие у неё кончается там, где начинаются её собственные аппетиты. Мне это не нужно.

Иван вздохнул и покачал головой. Он был больше человеком, чем волком в душе, всегда стремился к дипломатии, к сглаживанию углов.

— Если честно, — сказал он тихо, чтобы не слышали другие, — ты сейчас похож на человека, которого здесь, в этой комнате, вряд ли кто-то по-настоящему поймёт. — Он жестом обвёл нашу компанию: Кирилла, погружённого в свои альфовские думы, Алекса, снова уткнувшегося в телефон, остальных, постепенно возвращающихся к прерванным беседам. — Все тут со своими заботами. Может, тебе и правда стоило поговорить с ней? Нормально, без этих... встрясок.

Я попытался улыбнуться в ответ, но чувствовал, как губы растягиваются в натянутую, безжизненную гримасу. Он был прав, и от этой правоты становилось ещё горче. В голове снова, по накатанной колее, поползли мысли о Завьялове. О дочери. О том, как тонка грань между помощью и манипуляцией, и как я, только что грубо отшивший одну манипуляторшу, сам готов ввязаться в другую, куда более масштабную игру. Почему-то поведение Марины, её наглая, прямая претензия на моё внимание, резко контрастировала с тем, что мне было по-настоящему нужно в этот момент. Мне нужно было не это. Мне нужно было... тишину. Ясность. Или наоборот — полное, всепоглощающее забытие, которое не мог дать ни коньяк, ни этот шумный зал. Я не мог позволить себе отвлекаться на её игры, потому что внутри назревало что-то большее, какое-то глухое, неосознанное беспокойство, которому я ещё не мог дать имени.

— У каждого свои методы, Ванек, — бросил я, и в собственном голосе услышал ту самую неуверенность, которую пытался скрыть. — Кому-то — разговоры. А кому-то нужно сразу обозначить границы.

— Да отстань ты от него со своими разговорами, — неожиданно вступил Кирилл. Он оторвал взгляд от танцпола и усмехнулся, но в его улыбке не было веселья. Была усталая мудрость и понимание. — Сам видишь — человек на взводе. Марина давно переходит черту. Таких, если мягко не понимают, надо отшивать сразу и жёстко, пока на шею не сели и когти не вцепились. Правильно, Ник.

Он поднялся, разминая плечи. Его движения были плавными, но полными скрытой силы.

— Пойдём, — кивнул он мне. — Пройдёмся. Поговорить надо.

Я посмотрел на него с удивлением. О чём ещё? Дела стаи? Проблемы с границами? Но в его взгляде не было привычной деловой сосредоточенности. Было что-то другое. Я молча встал и последовал за ним.

Мы вышли из ложи, и шум зала обрушился на нас с новой силой. Кирилл не пошёл к бару или в кабинет. Он просто остановился у перил, огораживающих наш подиум, и облокотился на них, глядя на мельтешащую внизу толпу.

— О чём поговорить-то хотел? — спросил я, вставая рядом. Музыка была такой громкой, что приходилось говорить почти на ухо.

Кирилл повернул ко мне голову, и в его глазах, обычно таких пронзительных и жёстких, вдруг мелькнуло что-то похожее на братское, усталое понимание. Он не ответил на вопрос. Вместо этого он довольно, по-волчьи оскалился, обнажив ровные зубы.

— Ни о чём конкретном, — сказал он, и его голос прозвучал приглушённо, но ясно. — Просто вижу, что тебе остыть надо. От всего. От Марины, от дел, от этой... — он жестом обвёл окружающий нас глянцевый хаос, — ...всей этой мишуры. Чувствую, как ты внутри кипишь. И это уже не про работу.

Он положил тяжёлую ладонь мне на затылок, на мгновение сжал — жест старейшего друга, альфы и одновременно брата.

— Расслабься, бет. Сегодня вечер не для дум. — Он кивнул в сторону бара, где как раз начиналось какое-то движение. — Иди, пропусти ещё один. Или лучше пойдёшь и потанцуешь с кем-нибудь. С первой, кто понравится. Без мыслей. Инстинктом.

Он отпустил меня, и его взгляд снова стал отстранённым, наблюдающим. Он дал мне команду, но команду странную: не работать, не решать, а наоборот — отключиться. Возможно, он был прав. Возможно, это было единственное лекарство от той смутной, разъедающей тревоги, что поселилась у меня внутри после разговора в переулке.

Я кивнул, без слов, и сделал шаг в сторону лестницы, ведущей вниз, в самый эпицентр шума и движения. Я решил последовать его совету. Пропустить ещё один. Один последний стакан, чтобы добить остатки неприятных мыслей, а потом... а потом посмотреть, куда заведёт вечер. Или куда заведёт меня собственное, вдруг зашевелившееся с новой силой, нюхающее что-то в воздухе чутьё.

Я ещё не знал, что мне не понадобится ни коньяк, ни поиски партнёрши для танца. Что всё решит один-единственный, доселе незнакомый запах, который вот-вот прорежет всю мишуру «Эдема» и доберётся до меня, до самого глубинного, звериного ядра. И инстинкт, о котором говорил Кир, возьмёт верх над всем.

Глава 4

Нукита

Путь от лестницы до бара, который в обычный вечер занимал не больше двадцати секунд, в этот раз превратился в путешествие через ад и рай одновременно. Сделав первые шаги от перил, я ещё думал о словах Кирилла, о необходимости «остыть», о тяжёлом, липком осадке дня. Я намеревался заказать тот самый последний стакан, возможно, даже воды, чтобы просто постоять и наблюдать, как того и хотел альфа.

И тут это началось.

Сначала — едва уловимое шевеление в самой глубине сознания, там, где обитала моя вторая сущность. Волк, до этого ворчавший и недовольный, но в целом смирённый, вдруг замер, прислушался. Не ушами — всем своим существом. Потом тихое, настороженное поскуливание, словно он уловил звук, недоступный человеческому слуху. Я замедлил шаг, непроизвольно пригнувшись. Воздух был густым коктейлем из запахов: духи, сигаретный дым с летней террасы, пиво, лосьон после бритья, женская пудра, сладость коктейлей, едва уловимый металлический привкус пота от танцпола.

А потом — бац! Будто невидимая рука взяла и вырвала из этой смеси одну-единственную нить, чистую, ослепительную, оглушительную. И вонзила её мне прямо в мозг.

Запах. Сначала просто новый оттенок в знакомой гамме. Что-то свежее, цветочное... фиалки? Да, точно, фиалки. Но не те приторные, конфетные, а лесные, дикие, с горьковатой ноткой влажной земли и... чего-то ещё. Чего-то тёплого, живого, бесконечно желанного. Старой бумаги? Тёплой кожи? Молока и мёда? Невозможно было разобрать, потому что этот запах мгновенно перестал быть просто запахом. Он стал сигналом. Криком. Зовом. Сиреной, впившейся когтями в самый ствол мозга.

Волк внутри меня взвыл. Не просто заскулил, а издал протяжный, тоскливый, полный невероятной, животной надежды вой, отозвавшийся в моей груди физической болью. Он рванулся вперёд, к источнику, яростно, с той самой силой, которую я годами учился сдерживать цепями воли. И на этот раз цепи лопнули. Не треснули — лопнули, как гнилые нитки.

Следующие два шага я сделал, уже почти не отдавая себе отчёта. А на третьем меня накрыло с такой силой, что мир поплыл. Зрение помутнело, в ушах зазвенело, заглушая даже грохот басов. Меня буквально качнуло в сторону, как будто гигантская волна ударила в грудь на открытом пространстве. Я едва устоял, схватившись за край чьего-то столика. Пальцы впились в дерево, и я услышал треск.

Легкие. Я пытался вдохнуть, но воздух, наполненный ЭТИМ, был не воздухом, а наркотиком. Сладковатый, дурманивший аромат фиалок и того, неопределимого, заполнил каждую альвеолу, каждую клетку. Он не давал дышать, он парализовывал. Сердце, которое секунду назад билось ровно, вдруг рванулось в бешеную, хаотичную скачку, выбиваясь из грудной клетки, как испуганная птица. Адреналин — чистый, неразбавленный — хлынул в кровь, превращая её в расплавленный металл. По телу пробежала дрожь, от кончиков пальцев до корней волос. Мускулы напряглись, готовые к прыжку, к атаке, к обладанию.

А в голове... В голове не осталось ничего. Ни мыслей о Завьялове, ни усталости, ни раздражения на Марину. Весь мой опыт, вся логика, вся человеческая рассудочность были сметены одним-единственным, пульсирующим в такт сердцу словом: ПАРА.

Оно било по внутренностям, как колокол. ПАРА. ПАРА. ПАРА.

Инстинкт. Древний, первобытный, тот самый, что ведёт волка через снега и буреломы к единственной, предназначенной ему самке, поднялся из самых тёмных глубин и затопил всё.

Он не затмил рассудок — он его уничтожил. Сжёг дотла. Оставил только одно, кристально чистое, неоспоримое знание: ОНА ЗДЕСЬ.

Я отпустил столик и поплыл вперёд, движимый не ногами, а этой силой, этим магнитным притяжением. Я не видел толпу, не слышал музыку, не замечал удивлённых и испуганных взглядов, которые бросали мне вслед. Мир сузился до тоннеля, в конце которого сияла единственная цель. Запах становился с каждым шагом сильнее, гуще, невыносимее и божественнее одновременно. Он сводил с ума. Лишал воли. Лишал разума. Я был уже не Никитой. Я был животным на охоте. И добыча была моей по праву судьбы.

И вот, барная стойка. И она.

Мир на мгновение проявился, чтобы я мог её увидеть. Миниатюрная. Сидящая на высоком барном стуле, она казалась ещё меньше, хрупкой, почти игрушечной. Поза была расслабленной, одна нога чуть покачивалась в такт неспешной мелодии, что лилась из колонок в этой части зала. В руке она держала бокал с ярким, розовым коктейлем, украшенным долькой лайма. Она поднесла его к губам, потягивая через соломинку, и её взгляд был рассеянно устремлён куда-то в пространство за стойкой, в отражение бутылок в зеркале. Она была погружена в свои мысли, в свой маленький, человеческий мирок, абсолютно не подозревая, что стала эпицентром вселенского шторма.

И этот контраст — её безмятежность и бушующий во мне ураган — сводил с ума окончательно. Запах, исходящий от неё, ударил в нос с такой силой, что у меня потемнело в глазах. Это был тот самый, чистейший источник. Фиалки, бумага, её кожа, её волосы... Её сущность.

Контроль испарился. Последние остатки человеческого «нельзя» рассыпались в прах. Я не подошёл. Я придвинулся. Оказался прямо за её спиной, настолько близко, что тепло её тела коснулось моей груди сквозь тонкую ткань её футболки и моей рубашки. Голова сама, повинаясь невыносимому желанию, наклонилась. Я уткнулся лицом в её волосы. Они были шелковистыми, прохладными, и пахли... о боги, они пахли ею. Той самой смесью, что сводила с ума. Волк внутри захлебнулся от блаженства, издав глубокий, довольный, почти мурлыкающий рык, который, к счастью, остался лишь вибрацией в моей груди. Я вдохнул глубже, зарываясь носом в её прядь, и мир перевернулся.

Она вздрогнула. Всё её маленькое тело содрогнулось от неожиданности, от вторжения, от электрического разряда, который, должно быть, пронзил её при моём прикосновении. Это дрожь, эта реакция на меня, на мой запах, на моё присутствие, добавила масла в огонь. Инстинкт ликовал: ОНА ЧУВСТВУЕТ! ОНА РЕАГИРУЕТ!

Я медленно, словно в трансе, обошёл её и встал сбоку, отрезав ей путь к бегству (хотя мысль о том, что она может захотеть бежать, пронзила сердце ледяной иглой). Моя рука, огромная, с прожилками, с силой, способной крушить, сама протянулась к ней. Не для рукопожатия. Для захвата. Для принятия дара, который, как я уже знал, принадлежит мне.

— Потанцуем?

Голос. Мой собственный голос. Я едва узнал его. Он был чужим, низким, хриплым от сдерживаемого напряжения, от жажды, от возбуждения, которое тугим узлом завязалось внизу живота и пульсировало в висках. Он звучал как шёпот, но сквозь грохот музыки он, я знал, донесётся до неё. Потому что он был для неё.

Она подняла на меня глаза. Большие, светлые, растерянные и... захватывающие дух. В них мелькнуло замешательство, испуг, вопрос. Но не отвращение. Никакого отвращения. Она замерла на секунду, будто её собственная природа, её человеческое естество, конфликтовало с чем-то глубинным, что откликнулось на мой зов. И потом — кивок. Медленный, почти невольный, но решительный. Она отложила бокал и положила свою ладонь в мою.

Её рука. Боже, её рука. Она была такой маленькой, хрупкой, тёплой. Моя ладонь полностью поглотила её, её пальчики едва доставали до моих суставов. Контраст между моей силой и её уязвимостью был настолько острым, что вызвал прилив не только желания, но и чего-

то дико нового, незнакомого — яростного, всепоглощающего желания защитить. Сжать чуть крепче, и эти тонкие косточки хрустнут. Мысль была одновременно ужасающей и возбуждающей. Она вся была такой. Хрупким фарфором, нежным цветком, драгоценностью, которую нужно немедленно схватить, укрыть от всего мира, спрятать в самом безопасном месте — под моим крылом, в моём логове, у моего сердца.

Вторая моя рука нашла её талию. Лёгкое, почти невесомое прикосновение обернулось шоком. Под тонкой тканью я ощутил изгиб, тепло, жизнь. И тогда я притянул её. Не пригласил, а притянул. Прижал к себе так, что между нами не осталось и сантиметра воздуха. Её спина упёрлась в мою грудь, её мягкие волосы коснулись моего подбородка.

И в этот миг... случилось чудо. Весь грохочущий мир «Эдема» — музыка, смех, крики, гул голосов — отступил. Он не просто стал тише. Он исчез. Осталась лишь тишина, наполненная биением двух сердец — её частого, испуганного, и моего тяжелого, яростного. Осталось пространство, ограниченное теплом наших тел. И запах. Её запах, теперь смешанный с моим, создавая ту самую, единственную возможную гармонию.

— Наконец-то... — прошептал я в её волосы, и это было не слово, а стон облегчения, вырвавшийся из самой глубины души, из той её части, которая томилась и ждала, сама не зная чего, все двадцать восемь лет моей жизни.

Возбуждение, до этого тлеющее, рвануло вверх, как пламя, залитое бензином. Оно накачивало волнами, каждая сильнее предыдущей, смывая последние следы чего-либо, кроме животной потребности. Джинсы стали невыносимо тесны, сковывая, подчёркивая каждый сантиметр готовности тела, которое уже откликнулось на неё с первобытной прямоотой. Кровь гудела в ушах, пульсировала в висках, стучала в том месте, где моя ладонь ощущала биение её сердца через тонкие рёбра.

Мы медленно раскачивались на месте, не танцуя, а просто сливаясь в одно целое под какую-то плавную, томную мелодию. Но я уже не слышал музыки. Я слышал только её прерывистое дыхание, чувствовал лёгкую дрожь, всё ещё бегущую по её спине. Мои мысли, вернее, то, что от них осталось, были хаотичным, инстинктивным вихрем.

Моя. Только моя. Никогда не отпущу. Нужно увести. Сейчас. Немедленно. Увести отсюда, куда-нибудь, где темно и тихо. Где пахнет мной. Где смогу... Образы, дикие и откровенные, проносились в сознании: как я прижимаю её к стене, как мои губы находят её шею, как зубы смыкаются на том месте, где пульсирует жизнь, оставляя там свою отметку, свою печать, своё клеймо. Метка. Древний, священный ритуал. Чтобы каждый, кто посмотрит на неё — человек или волк — сразу понял: она занята. Принадлежит. Защищена. Моим запахом, моей силой, моей жизнью.

Я прижал её ещё крепче, едва не подняв от пола, и снова вдохнул её запах, уже смешанный с моим потом, с моей яростью обладания.

— Больше не отпущу... — слова лились сами, шёпотом, полным кромешной, непоколебимой уверенности. — Моя... Понимаешь? Только моя. Никуда тебе теперь от меня не деться. Никуда.

Я готов был на всё. Снести стены этого клуба, разорвать в клочья любого, кто посмеет приблизиться, вынести её на руках сквозь эту толпу, как трофей, как высшую награду. Я был готов убить и умереть в один миг. Ради того, чтобы укрыть её в своих объятиях. Ради того, чтобы спрятать от всего враждебного мира, который вдруг показался полным угроз. Ради того, чтобы сделать её безопасной. Своей. Навсегда.

В этом мгновении не было ни прошлого, ни будущего. Не было стаи, бизнеса, долга. Была только она, её запах, её хрупкость в моих руках и всепоглощающая, первозданная ярость инстинкта, нашедшего свою цель.

Глава 5

Настя

До «Эдема» мы добрались, когда городские часы уже готовились пробить полночь, а ночь в самом центре только раскачивала свои чёрные крылья, готовясь к полёту. Такси высадило нас у самого входа, и даже снаружи клуб бился в конвульсиях света и звука. Через массивные двери, которые каждые несколько секунд распаивались, выпуская клубы прохладного воздуха и обрывки смеха, вырывался настоящий рёв — не просто музыка, а единый, пульсирующий гул, словно в груди у гигантского механического зверя.

Я потянула за собой Лику, всё ещё немного задумчивую, но уже не сопротивляющуюся. Мы проскользнули внутрь, и стена звука ударила в нас с такой физической силой, что на мгновение перехватило дыхание. Это было не просто громко. Это было всепроникающе. Бас бил прямо в диафрагму, заставляя внутренности вибрировать, а высокие ноты звенели в ушах, сливаясь с криками и смехом. Воздух, прохладный у входа, уже в трёх шагах вглубь стал тёплым, густым, почти осязаемым. Он пах дорогим табаком с летней террасы, сладкой газировкой из коктейлей, женскими духами всех мастей и подноготной ночи — возбуждением, потом, ожиданием.

Свет не освещал — он атаковал. Лазеры, словно острые синие и красные клинки, рассекали дымную мглу, выхватывая на долю секунды мелькающие лица, блеск страз, бокалы в поднятых руках. Проектора бежали по стенам, заставляя мерцать зеркальные панели, а откуда-то с потолка лился фиолетовый и розовый поток, окрашивая всё в нереальные, акварельные тона. Это было ослепительно, оглушительно и... заразительно. Казалось, сама энергия толпы, её коллективный выплеск, поднималась вверх, как вибрирующее тепло, и обволакивала тебя, заставляя сердце биться в такт этому всеобщему безумию.

— Ну что, принимаем удар на себя? — крикнула я Лике прямо в ухо, чувствуя, как собственные плечи уже начинают непроизвольно двигаться в такт музыке.

Она улыбнулась, кивнула, и я, крепко ухватив её за руку, как якорь в этом бушующем море из тел, начала прокладывать путь к спасительному островку — бару. Пришлось потрудиться: расталкивать локтями беззлобно покачивающихся людей, извиняться, лавировать между столиками, где уже вовсю шло своё, более интимное веселье. Лика шла за мной, как на буксире, её глаза понемногу расширялись, поглощая картинку.

Наконец, мы «приземлились» у длинной, сверкающей подсветкой барной стойки. Бармены двигались с грацией жонглёров и скоростью роботов. Мы, не теряя времени, заказали две маргариты — классические, с солью на бокале, ледяные. Когда бокалы оказались в наших руках, прохладные и тяжёлые, мы синхронно подняли их, чокнулись без слов (слова всё равно было не слышно) и сделали первые, долгие глотки. Кисло-сладкая прохлада ударила в нёбо, прошла огненной дорожкой текилы по горлу и приятно разлилась теплом внутри. Я закрыла глаза на секунду, позволяя алкоголю и атмосфере делать свою работу — растворять остатки дневного стресса, смывать липкие воспоминания о крике Коршунова и жалких глаз Царева.

Прислонившись к стойке, мы начали осматриваться. Теперь, с напитком в руке, всё казалось не таким враждебным, а скорее захватывающим. Танцпол, расположенный ниже уровня бара, был похож на кипящий котёл. Тела сливались в единый, пульсирующий организм, который вздымался и опадал в такт ритму. Руки взлетали вверх, волосы развевались, лица были обращены к свету софитов с выражениями блаженного забытья. Это было живое дыхание самой ночи — дикое, неподконтрольное и невероятно притягательное.

Спустя пару коктейлей, когда маргариты сделали своё дело, а расслабление начало растекаться по телу тёплыми, уверенными волнами, и нас самих потянуло в эту пучину. Обменявшись понимающими взглядами, мы оставили пустые бокалы и, смеясь, нырнули в толпу.

Следующие... сколько там прошло времени? Полчаса? Сорок минут? Несколько песен слились в один непрерывный поток энергии. Мы танцевали, не думая ни о чём, просто отдаваясь музыке. Я зажмуривалась, поднимала руки, чувствуя, как напряжение уходит через кончики пальцев. Лица рядом, казалось, наконец-то отпустила свои мысли о Питере и Максе, её движения стали свободнее, на лице появилась улыбка. Это было именно то, ради чего мы сюда пришли — потерять себя, чтобы ненадолго найти что-то более простое и яркое.

Но силы, особенно на такой эмоциональной встряске, безграничны. Последняя композиция в быстром, надрывистом темпе выжала из нас остатки запала. Музыка сменилась на что-то более плавное, а я стояла, опираясь на колени, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, а оно само пересохло до состояния пергамента. Мне отчаянно хотелось пить. Оглядевшись, я с трудом нашла в полумгне Лику — она оказалась в паре метров от меня, и её уже всю занимал высокий брюнет с обаятельной ухмылкой. Они о чём-то говорили, её смех долетал до меня обрывком. Я поймала её взгляд, она махнула рукой: «Всё ок, иди!».

Со спокойной душой и даже с лёгким облегчением (теперь не нужно было волноваться, что ей скучно), я, вытирая со лба влажные пряди, направилась обратно к бару. Ноги немного подкашивались, в ушах всё ещё стоял звон, но внутри была приятная, алкогольно-танцевальная пустота.

Я протиснулась к стойке, поймала взгляд бармена и уже собиралась заказать простую воду, как...

Всё произошло в долю секунды. Сначала — лёгкое, едва ощутимое дуновение воздуха на затылке, на моих распушенных волосах. Не поток из кондиционера, а именно дуновение, будто кто-то стоял вплотную и просто выдохнул. По спине, от самого основания шеи и до поясницы, бегом рассыпались мурашки — не те приятные, от музыки, а острые, тревожные, леденящие. Вслед за ними по телу пробежала мелкая, почти неконтролируемая дрожь, как предчувствие.

Я не успела обернуться, не успела даже пошевелиться. Рядом со мной, слева, будто материализовавшись из дымной темноты, возникла тень. Большая, плотная. И тут же, плавным, невероятно уверенным движением, между мной и стойкой появилась рука. Рука мужчины. Большая, с широкой ладонью, длинными пальцами и проступающими на тыльной стороне венами. Она не просто висела в воздухе — она была протянута ко мне. Ждущая. Требующая.

И голос. Всего одно слово, произнесённое где-то совсем рядом, прямо над моим ухом. Голос был низким, слегка охрипшим, как после долгого молчания или... от сдерживаемого возбуждения. В нём не было вопроса. Был мягкий, но не допускающий отказа приказ.

— Потанцуем?

Меня прошибло. Не метафорой. Физически. Будто в грудь ударили разрядом тока низкого напряжения. Всё внутри на мгновение оборвалось, а потом рванулось с бешеной скоростью. Сердце, только-только успокоившееся, забилось с новой, болезненной силой, ударяя по рёбрам. Внизу живота, глубоко, заныло и сжалось тугой, горячей пружиной желание. Оно было немедленным, животным, всепоглощающим. Не мысль, а чистая физиология, реакция на этот голос, на это внезапное вторжение в моё пространство. Кровь прилила к лицу, а к коленкам, наоборот, ушла, сделав их ватными.

Я медленно, будто в замедленной съёмке, подняла голову. Сначала увидела руку. Потом — рубашку, дорогую, тёмную, натянутую на невероятно широкую грудную клетку. Потом — плечи, которые казались каменными уступами. И наконец — лицо.

Он смотрел на меня. Не на танцпол, не на бармена, а прямо в глаза. Его взгляд был... невероятным. Тёмным, глубоким, и в нём пылало что-то такое первозданное, такое интенсивное, что у меня перехватило дыхание. В нём не было улыбки знакомства, нетерпения или даже

обычного ночного флирта. В нём было чистое, неотфильтрованное сосредоточение. На мне. Будто кроме меня в этом шумном, переполненном людьми зале больше ничего не существовало.

Я не помню, чтобы я думала. Мозг отказал. Остались только ощущения. Я кивнула. Один короткий, глупый кивок, потому что слова застряли в горле комком. Моя рука, маленькая, бледная, с неброским маникюром, сама потянулась и утонула в его ладони. Его пальцы сомкнулись вокруг моих — тёплые, сухие, невероятно сильные. Контраст был ошеломляющим: моя рука выглядела как игрушечная в его грубой, огромной ручище. Мне на миг показалось, что он сейчас нечаянно, просто от возбуждения, сломает мне пальцы, и от этой мысли стало одновременно страшно и дико возбуждающе.

Его вторая рука нашла мою талию. Не обняла, не легла — нашла, как будто заранее знала её точные координаты. Ладонь была широкой, горячей, даже сквозь тонкую хлопковую футболку я чувствовала её жар и силу. Пальцы слегка впились в бок, и он притянул меня к себе.

Боже. Его тело. Оно было твёрдым, как гранитная глыба. Я прижалась к нему спиной, и под тонкой тканью его рубашки я ощутила каждый рельеф мышц, каждый напряжённый пучок. От него исходил жар, будто внутри него горела печь. Этот жар проникал сквозь мою одежду, обжигал кожу, согревал до мурашек. И запах... О боже, запах. Не просто парфюм, хотя и он чувствовался — дорогой, древесный, с горьковатой ноткой. Но под ним был другой. Чисто мужской. Кожа, свежий пот, что-то дикое, неуловимое... что-то, от чего кружилась голова и сходили с ума все базовые инстинкты. Этот аромат обволок меня плотным коконом, вытесняя все остальные запахи клуба. Он отключал мысли, зато обострял до предела каждое чувство: осязание (его рука на талии, его грудь за спиной), слух (теперь я слышала только его дыхание у своего виска), даже вкус — во рту пересохло, стало медным.

Он начал медленно раскачиваться, и я, заипнотизированная, последовала за ним. Мы не танцевали. Мы просто стояли, сросшиеся в одно целое, едва покачиваясь под неспешную, томную мелодию, которая вдруг выплыла из общего грохота.

— Наконец-то... — прошептал он прямо мне в волосы. Его голос был густым, полным какого-то невероятного, вселенского облегчения. Его губы почти коснулись моего уха, и от этого прикосновения по всему телу пробежал новый разряд. Он притянул меня ещё ближе, если это было возможно, и его нос скользнул по моей шее, от уха к плечу. Он сделал глубокий, шумный вдох, будто втягивая в себя мой запах, запоминая его, поглощая. — Больше не отпущу... — его шёпот был горячим и влажным на моей коже. — Моя... Понимаешь? Только моя. Никуда тебе теперь от меня не деться.

Его слова, эти дикие, собственнические, бредовые слова, стали тем холодным душем, который наконец пробился сквозь алкогольный и сенсорный туман в моей голове.

Что?.. Что он сказал?

Всё внутри похолодело и сжалось в один плотный, ледяной комок страха. Желание, ещё секунду назад такое яркое, испарилось, оставив после себя лишь тошнотворную пустоту и осознание.

Маньяк.

Слово ударило по сознанию со всей ясностью. Чёрт! Чёрт, чёрт, чёрт! И угрозило же меня, дуру, попасться на такую удочку! Красивый, пахнет дорого, а в голове — явно не все дома. «Моя», «не отпущу»... Да он серьёзно! Адреналин, теперь уже чистый, неразбавленный страхом, вытеснил из крови весь алкоголь. Мысли закружились в панической пляске.

Спокойно, Настя. Глубоко вдохни. Нельзя показывать страх. Они это чувствуют, как животные. Надо отвлечь. Улыбнуться. Сделать вид, что всё окей. А потом — бежать. Сейчас же, при первой возможности.

Я застыла в его объятиях, пытаюсь контролировать дрожь, которая пыталась прорваться наружу. Мой мозг лихорадочно искал выход.

И он нашёлся сам. Справа от нас, метрах в пяти, в толпе у барной стойки что-то вспыхнуло. Громкий, гневный крик, звон разбитого стекла. Небольшая, но яростная потасовка. Два парня сцепились, вокруг них моментально образовалась давка и круг зевак.

Мужчина, державший меня, замер. Его тело напряглось, как у сторожевого пса, уловившего чужой запах. Я почувствовала, как его внимание, до этого целиком сосредоточенное на мне, дрогнуло и метнулось в сторону шума. Из его груди вырвалось низкое, совершенно нечеловеческое рычание — звук, от которого кровь стыла в жилах. Он разжал объятия, но не отпустил меня сразу, а скорее задвинул за свою спину, как ценную вещь, которую нужно убрать с линии огня.

— Подожди минуту, — сказал он, и его голос снова стал тем повелительным баритоном. Он наклонился и... легонько, почти нежно, коснулся губами моих. Поцелуй был быстрым, но обжигающим, полным того же дикого, собственнического чувства. — Я сейчас.

И он развернулся и исчез в толпе, двигаясь к месту драки с такой скоростью и целеустремлённостью, что люди перед ним буквально расступались.

Минуточку! Какой ещё «подожди»?! Очнувшись от столбняка, я огляделась. Он был поглощён конфликтом, отвлечён. Этого больше не повторится.

Бежать. Сейчас.

Я не стала оглядываться на Лику — времени не было. Рванула от бара, не к выходу на улицу (там он мог меня увидеть), а вглубь зала, к дальним, тёмным коридорам, где были туалеты и служебные помещения. Сердце колотилось, ноги подкашивались, но страх придавал сил. Я проскользнула мимо удивлённых охранников, выскочила в какой-то боковой выход, который, как оказалось, вёл не на парадную, а на заднюю парковку.

Ночь ударила по лицу прохладным воздухом. Я судорожно огляделась. И — о, чудо! — прямо у выхода, с работающим двигателем, стояло такси. Как будто сама судьба, насмехаясь, бросила мне эту спасительную соломинку в бушующее море моего ужаса.

Я запрыгнула на заднее сиденье, захлопнула дверь.

— В центр, на Садовую, 15, пожалуйста! — выпалила я водителю, голос сорвался на визг. — И быстрее, умоляю!

Машина тронулась. Когда мы выруливали с парковки на основную дорогу, я вжалась в сиденье и не удержалась — обернулась.

Он стоял у главного входа в «Эдем», освещённый неоновой вывеской. Высокий, мощный, как тёмный монолит. Он не бежал, не искал глазами. Он просто стоял и смотрел. Прямо на нашу отъезжающую машину. Расстояние было приличное, но мне показалось — нет, я УВИДЕЛА — как его глаза, эти тёмные, пылающие глаза, нашли меня в стекле такси. И в них не было ни растерянности, ни злости. Было холодное, хищное, абсолютное понимание. И обещание. Его губы шевельнулись, и мне почудилось, будто я могу прочесть по ним нелитературное, отборное русское слово, полное решимости. Он не кричал. Он просто смотрел. И этот взгляд был страшнее любой погони.

Я резко отвернулась, обхватив себя руками, пытаюсь остановить дрожь. Всё тело была крупная, неконтролируемая дрожь.

Квартира, когда я наконец-то, целая и невредимая, втокнула ключ в замок и захлопнула за собой дверь на все щеколды, встретила меня гробовой тишиной. Знакомая, обычная тишина. Но сегодня она не была уютной. Она была зловещей. Я включила свет во всех комнатах, заперла балконную дверь, проверила, закрыто ли окно на кухне. Но чувства защищённости не было. Совсем.

Казалось, что стены, такие надёжные днём, теперь пропускают внутрь тень того взгляда. Мне повсюду мерещилось движение за дверным глазком, шорохи на лестничной клетке. Каждый скрип дома, каждый шум лифта заставлял сердце замирать, а потом биться с новой, бешеной силой. Я сидела на кухне, обняв колени, и не могла согреться, хотя надела тёплый халат.

Всю ночь я не сомкнула глаз. Лежала в постели, уставившись в потолок, и в темноте снова и снова прокручивала тот момент: его руку, его голос, его запах, его слова... «Моя». И этот последний взгляд у клуба. Нервы были натянуты до предела, как струны, готовые лопнуть от малейшего прикосновения. Меня бесила моя собственная паранойя, эта тень страха, которая теперь намертво прилипла ко мне, но избавиться от неё я была не в силах. Тяжёлые, чёрные мысли вихрем крутились в голове: а что, если он следил? Если он запомнил лицо? Если это не случайность, а что-то более страшное? Я представляла, как эта дверь сейчас распахнётся, и он войдёт, исполняя своё дикое обещание «не отпущу».

Рассвет застал меня в той же позе — измученную, с красными от бессонницы глазами, но с острой, хрустальной ясностью в голове. Страх постепенно переплавлялся в ярость. Ярость на него, на эту ситуацию, на свою глупую доверчивость. Но под слоем этой ярости, глубоко-глубоко, оставался холодный, липкий осадок ужаса. И смутное, невыносимое знание, что наша встреча не была случайной. Что что-то во всём этом было неправильным, противоестественным. И что это ещё не конец.

Глава 6

Нукита

От моей пары, от этого хрупкого, божественного существа в моих руках, меня отвлек резкий, диссонирующий звук. Вернее, даже не звук — это был всплеск чужой, агрессивной энергии, ворвавшийся в наше изолированное пространство, как нож, разрезающий ткань сна. Сначала я попытался игнорировать его, прижимая её к себе ещё сильнее, стараясь сохранить хрупкий пузырь, в котором существовали только мы двое. Но это было невозможно. Волк во мне, всецело поглощённый самкой, тем не менее оставался стражем, и его уши, настроенные на частоту стаи, уловили опасность раньше, чем мой сознательный разум.

Повернув голову, я с удивлением, быстро перешедшим в холодную ярость, заметил небольшую, но яростную драку. Она бушевала в десяти метрах от нас, у одного из выходов в подсобные помещения. Двое молодых волков — один из нашей стаи, Витька, и кто-то из соседней, «Серебряных Когтей», — уже не просто выясняли отношения на словах. Они катались по полу, обмениваясь глухими ударами, рыча и скаля зубы. Вокруг образовался круг зевак, но никто не решался вмешаться — чужак был явно не в себе, а Витька уже начал терять человеческий облик, его когти удлинились, в глазах вспыхнуло золотистое свечение. Ещё минута — и на глазах у сотен людей произойдёт непоправимое. Запах крови, ярости и страха начал перебивать даже её божественный аромат.

Оставить это без внимания было смерти подобно. Не только потому, что альфа потом содрал бы с меня шкуру за публичный скандал, но и потому, что инстинкт беты, отвечающего за порядок на своей территории, за безопасность своих, сработал автоматически. Он заглушил даже более древний инстинкт обладания парой. На миг. Но этот миг оказался роковым.

Из моей груди вырвалось низкое, предупреждающее рычание — нечеловеческое, полное раздражения и злобы от необходимости оторваться от неё. Я разжал объятия, но не отпустил её сразу. Мои руки, будто против их воли, задвинули её за мою спину, поставив между мной и угрозой, создав живой щит из собственного тела. Я повернулся к ней, и в её глазах, таких больших и растерянных, я увидел отражение своего собственного оскала. Нужно было успокоить, объяснить.

— Подожди минуту, я сейчас, — прошептал я, и мой голос звучал хрипло от сдерживаемой ярости. Я наклонился и коснулся её губ своими. Поцелуй был коротким, но в него я вложил всё — обещание, нежность, предупреждение не двигаться с места. Это было клеймо, печать, временная метка. — Я сейчас.

Я повернулся и шагнул в сторону драки. Каждый шаг давался с невероятным усилием воли, будто я отрывал от себя часть плоти. Моё тело, моя душа, моё животное начало кричали, требуя вернуться, схватить её и бежать, забыв обо всём на свете. Но долг, проклятый долг беты, вцепился железной хваткой и тащил вперёд.

Я влетел в эпицентр потасовки, как ледокол в лёд. Хватило одного хвата за шкирки обоих — железной хватки, в которой сконцентрировалась вся моя ярость и фрустрация, — чтобы разорвать их. Моё рычание, на этот раз полное беспрекословной власти беты, заставило их мгновенно обмякнуть и отползти друг от друга, прижимая уши и опуская взгляд.

— На выход! Немедленно! Оба! — прошипел я так тихо, что слышали только они, но сила, стоящая за словами, была такой, что оба вздрогнули. — Отчитаетесь завтра. Сейчас — исчезнуть.

Они исчезли, растворяясь в толпе. Я даже не стал смотреть им вслед. Я развернулся на каблуках, сердце уже бешено колотилось в предвкушении — сейчас, сейчас я вернусь к ней, возьму её, и на этот раз ничто в этом мире не заставит меня отпустить...

Пустота. Барный стул, на котором она сидела, был пуст. На стойке стоял её полупустой бокал с розовым коктейлем. Рядом — никого.

Сначала мозг отказался понимать. Я замер, сканируя пространство вокруг взглядом, нюхом. Её запах ещё витал в воздухе, сладкий и дразнящий, но его источник... исчез. Он не просто переместился — он удалялся. Быстро.

И тогда накрыло. Раздражение, ярость, чувство глубочайшего, оскорбительного предательства и собственной невероятной, идиотской оплошности накрыло меня с головой, как ледяная лавина, затмив всё — и звуки клуба, и свет, и саму способность мыслить здраво. В голове загудела одна мысль, тупая и яростная: **ДА ЧТО ОНА О СЕБЕ ВОЗОМНИЛА?!**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.